



Рассказы //Художественная литература, Москва, 1982  
FB2: "roQiN ", 25.06.2012, version 1.1  
UUID: OoFBTools-2012-6-25-20-24-44-26  
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

**Сила**

# Содержание

#1 .....	0005
Комментарии .....	0025

# **Иван Алексеевич Бунин**

## **СИЛА**

**Ш**ел осенний, мгlistый дождь в сумерках. Прижав уши, стояла на барском дворе, в грязи возле людской, донская кобыла, темная от дождя, худая, будылястая, с тонкой длинной шеей, с обвислым задом, с подвязанным хвостом, запряженная в тележку, плетеный кузов которой был очень мал по тяжелым дорогам и крепко ошинованным колесам.

Мещанин Буравчик, приехавший в этой тележке к старосте, не заставший его дома и сидевший в людской за кубастым самоварчиком красной меди, был человек старенький, ростом с мальчика. Череп его был гол и желт. Над ушами и по затылку курчавились остатки черных жестких волос. Курчавилась и борода его. Мокрые усы, прокопченные табачным дымом, лезли в добрый, беззубый рот. На темном морщинистом личике, под сдвинутыми бровями, живо и весело блестели кофейные глазки. Он и хмурился и вместе улыбался, тянул с блюда горячую воду, сося кусочек сахара, и все шарил по впалой груди, ощупывая карманы ветхого длиннополого сюртука, порыжевшего на лопатках.

Горела над столом висячая лампочка.

Буравчик поглядывал на нее, — она коптила, — и без умолку говорил. А беременная старостиха, сидевшая на нарах у печки и за веревку ногой качавшая люльку, закрытую ситцевым пологом, похожую на маленький ша-тер, рассеянно слушала, думая свое и заводя глаза от дремоты.

— Вот они распарятся, я их и подберу, — говорил Буравчик и схлебывал с блюдца, указывая на стакан, набитый разбухшими кусками кренделей. — Распарятся, тогда и съем. А так нет, не угрызу. Нечем.

И Буравчик, засмеявшись, полез сухим, бурым от окурков пальцам в рот.

— О! Ишь! — сказал он с удовольствием. — Ни аноо не аалось, — сказал он, желая сказать: «ни одного не осталось», и вода пальцем по голой розовой десне.

— По какой же такой притчине? — равнодушно спросила старостиха, с трудом поднимая веки и думая о том, что этот веселый старичок в обтертых сапожках и линючей розовой косоворотке пережил двух жен, вырастил шестерых сыновей, купил барское имение под городом, а прежних повадок все не кида-

ет — живет побирушкой, торгует на селе в лавчонке, конокрадствует и, говорят, вот-вот опять должен в острог садиться.

Буравчик зорко глянул на старостиху, на ее большое сонное лицо.

— По какой притчине-то? — ответил он, вытирая палец о борт сюртука. — А совсем не по той, что ты думаешь. А совсем не по той. На меня несут, брешут, как на мертвого, ну, а хоть бы и правда была, так не родился еще тот человек, сударыня, какой смел бы коснуться меня. Не-ет, бог миловал! Меня голой рукой не возьмешь! У меня вон шесть сынов-бугаев, озорней их, чертей, во всем селе нету, а ты глянь, как я их вышколил: взгляду моего боятся! Пересолишь — хлебать не станешь, — прибавил он ни с того ни с сего одну из тех прибауток, связь которых с предыдущей речью очень часто оставалась совершенно непонятна его собеседникам. — Зуб же я своих лишился потому, что дюже болели они у меня, а добрые люди возьми да и научи купоросу в роту подержать. Ты вот послушай, какую антимионию расскажу я тебе про эти самые зубы. Муженек твой, без сомнения, за-

стрял гдей-то, давай его, дружка милого, ждать да беседовать от скуки...

— Обещался к вечеру быть, — сказала старостиха. — Да, вишь, грязь-то какая.

— А мы его подождем, — ответил Буравчик и, поставив блюдо на стол, полез в боковой карман за кисетом с махоркой. — А мы его подождем. Да. История же эта самая такого рода была...

И не спеша, с удовольствием стал рассказывать. Череп его блестел от пота, брови хмурились, глаза блестели, выражая старческое довольство жизнью. «Беспрременно сынки его дельце какое-нибудь нынче в ночь обрабатывают, — думала старостиха. — Для того он из дому уехал». А Буравчик, свертывая сигарку, рассказывал:

— Сила не в зубах, сударыня моя. Зубаст кобель, да прост. Опять же и не в медведе сила. У нас на Руси силу в пазухе носи... Да ты вот лучше послушай. В некотором царстве, не в нашем государстве, ехали мы раз, сударыня, с возами своими по белевской по большой дороге. А нужно тебе заметить, что мы тогда с братом Егором коробошниками были, кампа-

нировали с ним по этой части да денежки плутовством наживали, откровенно же сказать — прямо муку мученическую терпели от этих от самых дождей и холодов. Вот и тут тоже подобное случилось: едем мы, едем, а дождь, господь с ним, как зарядил с утра, да так до вечера и остался. Холит нас да холит, будто за хорошую цену нанялся, и до того добил, искоренил, что повернули мы, не долго думая, в лес какой-то встречный, к караулке. Надуваемся, ползем, ломим целиком, а по лесу, понимаешь, как мга какая от дождя синет, а от лошадей альни дым валит: наката-лось на колеса грязи этой самой с листьями — чертям невпроворот! Подъезжаем, наконец того...

Буравчик хлебнул с блюда и остановился. Послышалось шлепанье лаптей по мокрой соломке в сенцах. Кто-то подошел к двери и стал шарить, ища скобки.

— Кажись, он? — спросила старостиха, прислушиваясь.

Прислушался и Буравчик. Дверь чмокнула, распахнулась, открыла на мгновение черную темноту, и вошел не староста, а работник

Александр, большой мужик лет пятидесяти, лысый, бородатый, с ясными серыми глазами и нежным цветом крупного лица, в полушубке и чистой замашной рубахе[1]. И опять зорко блеснули глаза Буравчика.

— А я насчет твоей лошади зашел, — сказал Александр, чему-то улыбаясь и садясь на лавку. — Прибрать ее, ай нет?

Буравчик подумал.

— Да нет, погоди, — ответил он с притворной беспечностью. — Я еще, может, поеду. Я ведь этих дождей нисколько не боюсь. Мы, брат, люди русские, травленные...

— Дело твое, — сказал Александр и поглядел в сторону. — Я, признаться, и шел-то больше за тем, чтоб на тебя поглядеть: какой такой, мол, Буравчик этот бытует? Давно слышу: Буравчик, Буравчик... А что за Буравчик, — неизвестно. Дай, думаю, гляну.

— Наслышан, значит, обо мне? — спросил Буравчик. — Ну что ж, гляди. Меня уж давно так кличут. У меня их две, фамилии-то: одна, значит, улишная, а другая журнальная. А ты кто же такой? На работника не похож что-й-то.

— И то не похож, — сказал Александр. — Это меня нуждишка заставила батраком-то на старости лет быть. Я панютинский, у нас село богатое. Я и сам хорошо жил, хозяином. Да такая оказия: третий раз горю дотла! Справлюсь-справлюсь, придет лето, хлебушко уберу... ну, думаю, слава тебе, господи... Ан нет: опять сумку надевай! Просто хоть удавись, — прибавил он с застенчивой улыбкой. — Двое ребятишек сгорело...

— Да что ты? — с притворным участием и даже ужасом окликнул Буравчик. — Это не мед, — сказал он, качая головой. — Это не мед. Избавь бог.

И, помолчав, опять обратился к старости-хе:

— Да, так вот я и говорю: заехали мы в лес, подъезжаем к караулке. Становим лошадей во двор, всходим в избу, самовар требуем. А лесник, надо тебе заметить, оказывается, вдовец, старик древний, да такой, что я и отродясь не видывал: просто орутан какой-то! Брат Егор даже испугался маленько. Глянул на меня, да и говорит мне по фарам, чтобы, значит, не понял нас лесник: «Брафарат, афа-

ра вефередь эферетофоро звеферерерь. Офорон мофорожеферет уфурубифирить нафарас». То есть, по-русски сказать так: «Брат, а ведь это зверь. Он может убить нас...» А на зверя лесник, и правда, похож: рубаха ниже колен, лыком подпоясана, на ногах лаптищи, руки длинные, вроде корней дубовых... Дикий, одно слово, человек и силы, видать, неописанной.

— Этот орутан в зверильнице живет, — вставил Александр. — Видел я его в городе.

— Он самый, он самый, — подтвердил Буравчик. — Да его и по избам большое число попадается... Да... И все, знаешь, гнется, кряхтит, в землю смотрит...

— А виски, небось, серые, невпрочес, как у кобеля хорошего, — опять вставил Александр.

— И то правильно, — сказал Буравчик. — Ты догадлив живешь, сударушка. Ну, только против дикого, как говорится, и сам дик да хитер будь. Мужик тебя ралом, а ты его жалом... Да. Обращаемся к леснику: «Чайку с нами милости просим». — «Можно, говорит, спасибо». И опять этак сумрачно, а главная вещь — шамкает. Сел за стол, налили мы ему

чаю, — в корец, понятно, а не в чашечку какую-нибудь, — а он и давай, вот не хуже моего, скорки хлебные крошить да в чаю их распаривать. Чтó, думаем, за чудеса такие? «Дед, говорим, да ай у тебя зуб-то нету? Фигура у тебя знаменитая, а зуб нету: что, мол, за притча такая?» А он, понявши, без сомнения, такие слова, и совсем голову угнул. Молчал-молчал, да и выложил нам, дуракам, свое назидание.

— Стравил тоже чем-нибудь, зубы-то? — из вежливости спросила старостиха.

Буравчик закурил, закашлялся и ответил веселой скороговоркой:

— Да нет, в том и басня вся, что не стравил. За грех поплатился — за гордость. Ты вот послушай.

И опять перешел на размеренный тон:

— Он, понимаешь, лесник-то этот, так прямо и сказал нам: назидание мое, говорит, в том самом есть, что окоротил меня господь за грех тяжкий, за глупость мою. И вот каюсь я теперь, ребята, и конному и пешему. Видите, какая дисни-то у меня? О, гляньте, — сказал Буравчик, представляя лесника, и опять запустил в рот палец, — ни одного не осталось.

А почему не осталось, — человека я хотел убить, на силу свою глупую понадеялся. Зашел ко мне, ребята, годов семьдесят тому назад солдат один из Польши: шел домой в отпуск несрочный и ночевать, значит, попросился. И было, вот как перед истинным богом, росту в том солдате не боле двух аршин, а силы — и на двух вшей не хватит...

— На взгляд-то, значит, — сказал Александр, чтобы показать, что он понимает, к чему клонил лесник в своем назидании. — На первый взгляд, то есть... Вот вроде как у тебя, — прибавил он насмешливо и дружелюбно.

— Во, во, в аккурат! — подхватил Буравчик, блеснув в его сторону глазами. — Совсем коростовый, глядеться... И зачни, понимаешь, деньгами перед лесником хвастать. «Сел, говорит, за стол, похлебал моей похлебочки, закурил трубочку, снял ранец с себя — и давай деньги из него таскать, пересчитывать. А денег этих самых у него — прямо туча: все сотельные одне, и все в стопки, в кирпичи складены и оборочками хрест-нахрест перевязаны. „Да это еще что! — говорит. — У меня, го-

ворит, еще гаман за гашником спрятан, полный золотом“. И как, значит, глянул я на этокое богатство, потемнело у меня в глазах от жадности, отнялись мои ручки, ноженьки, — аж штаны ходуном заходили. Посчитал деньги солдат, попихал их в ранец свой и бает: „Что ж, пора и на печь, дядюшка!“ А я в ответ ему мычу только да зубами стучаю, зубы же мои в ту пору таковы были, что мог я ими очень даже просто доску столовую перешибить. Ну, завалился, без сомнения, солдат мой на печь, потушил я лучину, нашарил топор-колун под лавкою, лег и жду, а сам думаю: тюкну, мол, обухом разок, и капут ему, суслику!»

— Ан суслик-то умнее нас вышел, — вставил Александр, показывая, что он уже предугадал и развязку притчи.

— «Долго ли, коротко ли, — продолжал Буравчик, — только слышу — успокоился солдат. Ну, думаю, слава тебе, господи, во сне-то ему легче помирать будет, он и сам небось кого-нибудь сонного пришиб, — больше неоткуда было ему такую уйму денег накопить. Подкрался с обухом своим к печке, — а в обухе

том весу, никак, боле пуда было, — стал покрепче на приступку, повернул колун тылом, нащупал голову стриженую, размахнулся — раз!.. Мать честная! Только мокро, мол, останется!.. И что ж вы, ребятушки, думаете?»

Буравчик остановился и вытаращил глаза, держа блюдце на отлете.

— «Что ж вы думаете? — говорит лесник. — Очнулся солдат, потянул в себя носом и покойненько этак кличет меня: „Хозяин, а хозяин. Что-й-то у тебя тут делается? Либо у тебя прусаки водятся? Мне сейчас здо-оровый прусак на голову упал...“ А хорош прусак, колун-то мой? Я прямо обомлел от этих слов, свалился с приступки, прижукнулся — и ни вздоху, ни пыху! Зачал, однакося, опять ждать своего...»

— Этот солдат, значит, слово знал такое, — сказала старостиха и, скрестив руки под грудями, перестала мотать ногой.

Александр, насмешливо и ласково улыбаясь, только розово-лысой головой покачал. А Буравчик вскочил с места, торопливо поправил коптившую лампочку, опять сел и крикнул, открывая беззубый рот, с детской гордо-

стью и радостью:

— Ха! Слово! Слово слову розь, а тут не иначе, как кочетиное слово было! Слушай, что дальше-то будет, чай, примечай, куда чайки летят. Лесник мой не унялся, опять полез на печь. «Нащупал я, говорит, темя солда-тово, обернул востряком колун и ухнул со всей силы-возможности. Ухнул и жду, а солдат приподнялся, да как захо-хо-о-чет! „Ну, говорит, хозяин, видно, у тебя не выспишься. У тебя, говорит, черти, без сомнения, водятся: видно, подложили плотники щетины под матицу и развели у тебя этих самых чертей видимо-невидимо. Сейчас один меня ровно прутком каким по лбу жиганул. Аж засвирбело...“ Что тут делать? Отполз я от печи, а солдат поднялся и, слышу, обувается. „Хозяин, а хозяин, говорит, скоро свет, мне пора итить, проводи меня из лесу“. Ну, думаю, и того лучше: угомоню его в лесу, мне же выгодней, — избу поганить не надо. Вскочил, будто спросонья: „А? Что? Проводить? Ладно, мол, идем...“ Надеваю армяк, трясусь с ног до головы, никак в рукав не попаду, а сам за дубинку ловлюсь: стояла у меня в уголке на ту пору ха-а-рошая

орясина, пудиков трех весом. А солдат умывается и — хохочет! Берет в рот воду из махоточки, льет из рта на руки, нагинается, моет лицо и хохочет... Чисто черт какой! Вышли, наконец того, пошли... Мне бы, дураку, давно пора понять, что никак не возьмет сила моя супротив ума солдата, а я пруд да пруд, на затылок его стриженный гляжу. Он передом, в ранце своем телячьим, сам меньше ранца, я — за ним, по пятам, вроде медведя какого. Стало, вижу, белеть вверху, дождь редеть да редеть, прояснилось в лесу. Дождалься я спуска в ложок, приподнял свой корешок да и пустил с навесу по затылку солдатову. А солдат...»

Буравчик быстро взглянул на свесившуюся голову старости и уставился радостно-блестящими глазами в Александра:

— «А солдат клюнул этак носом, шапку подхватил, поправил, обернулся, будто удивился очень, да и говорит этак строго да внятно: „А-а, говорит, вот какой домовой-то в избе у тебя завелся! Понима-аю! Видно, надо поучить его маленько...“ Поставил тихим манером ружьецо свое берданское к сосне, засучил

рукава... „Ну-ка, разинь рот“, — говорит. А я уж и дубинку уронил от ужаста и ничего не смыслю. Однако разеваю. „Да нет, говорит, ты пошире, пошире, стыдиться тут нечего!“ Разеваю, сколько есть моей силы. Берет тогда солдат меня за зуб пальцами, давит его, как клещами залезными, и вынимает вон из рота, в горсть себе кладет. Вынимает опосля того и другой тем же побытом, вынимает и третий, вынимает четвертый...»

Остановились и у Александра его ясные глаза. А Буравчик, насладившись его ожиданием, уперся руками в колени, лихо расставил локти и отчетливо, раздельно стал доканчивать:

— «Выбрал он мне, без сомнения, зубы до единого, вынул лычко из карманчика: „Держи подол“, — говорит. Я держу, подставляю. Положил солдат в подол цельную горсть моих зуб, завернул, закатал и так-то аккуратненько завязал, закрутил его лычком. „Это, говорит, мужичок-серячок, на память тебе, а это на помин души моей...“ И вынимает, подает мне сотельный билет!»

— Это не плохо, — с улыбкой мотнул голо-

вой Александр.

Буравчик залился смехом.

— Дай бог всякому! — воскликнул он. — Да ведь знаешь, сладок мед, а не по две ложки в рот. Деньги-то он приобрел, а зуб лишился. «Я, говорит, деньги-то беру, а сказать ничего не могу: хочу слово сказать, да с непривычки только челюстью ворочаю. А-а, а-а, — только и всего. Хочу сказать: солдатушка...»

Буравчик, смеясь, поднял брови, сделал жалкое лицо:

— «Хочу сказать, — смеясь и почти плача, закричал он тонким голосом, — хочу сказать: солдатушка, а выходит: саатушка...»

Стягивая с блюда воду и куски кренделей, он еще долго крутил головой, морщился, смеялся и повторял последние слова. Старостиха, сложив руки, крепко спала. Лампочка коптила, прусаки, пользуясь сумраком, бегали по старым бревенчатым стенам. На черных стеклах блестели капли дождя.

— Побаску твою понимаю, — сказал наконец Александр.

— Сила, значит, не в медведе, — пояснил Буравчик.

— Не иначе, — подтвердил Александр. — Был и у нас случай подобный. Я сам очевидец был. Будет этому, дай бог не солгать, лет небось пятнадцать тому назад. Был у нас в Панютине малый — дурак, звали его Бурлыга. Потому не мог он чисто сказать: тоже двух зубов на передке не хватало, — кобыла вышибла. Все, бывало: бур, бур. За то и Бурлыгой прозвали. Малый, говорю, был дурак, картавый, а вот, не хуже твоего лесника, рослый, здоровый, чистый палач. Потому его внешность позволяла. Так вот, случись у нас в селе ярманка. Собрались его товарищи по пьяному виду, сидят на выгоне. Конечно, тут и водка, и всякая закуска при них. Зашел разговор, как вот у нас с тобой, про силу, а он, конечно, пьяный, — бывает, тверезый того не сказал бы, а тут: бур, бур, я, говорит, никого не боюсь, и бога никакого нету...

— Ну, уж это-то сдуру, — рассеянно сказал Буравчик, вздыхая после смеха, завертывая новую сигарку и думая о чем-то. — Это уж сдуру.

— Понятно, сдуру, — подтвердил Александр. — Подивились все ему. Мол, не сне-

сешь ты, малый, своей головы! А он поднялся, пошел в народ, увидал свою кралю, сделал ей любовный знак. Подходит она к нему. Зачал он при ей еще пуще куражиться. Глаза помутил, полушубок размахнул, усы мокрые косицами в щербину лезут. Видит — сидит какой-то старичок на телеге, лопатами торгует, а в телеге лежит, связан, большой белый баран, тоже, значит, продается. Лобик, поясника краской фуксином помечены. Рога здоровые, хвост толстый. А сам старичок легонький, как пух, в сером халатику, в белом колпачке из простой холстины и в чуньках покойницких. Сидит на грядке, закусывает калачиком. А малый-то мой сдуру куражится, ломается, лезет на него...

— Своей беды не чувствует, — вставил Буравчик в лад Александру, тем же тоном, каким и Александр вставлял замечания в его рассказ.

— Да, беды своей не чувствует, — повторил Александр. — «Сейчас, говорит, пойду, всю его амуницию расшибу и барану хвост отломлю». Любовница его мазаная, конечно, тоже уродничает, притворяется, упрашивает его. А он-то качается, ломается, будто пьян дюже! «Про-

шу тебе, не трожь ты мне, а то я хуже наде- лаю. Против силы моей, говорит, богатыря во всей державе не найдется». Подходит, значит, к старичку. «Бур, бур, дай, говорит, калачика мне». Старичок вынимает из телеги калач свежий, подает, а малый Бурлыга берет, а сам прицеливается барана сгресть, хвост ему за- чать ломать. А старичок поглядел этак скром- ненько, слез с грядки, лопату поднял, да как размахнется, да как ахнет... Норовил-то по ма- лому, а попал мерину по боку — аж по всей ярманке отозвалось! Мерин с ног долой, поряд- чно лопат переломал, ухнув,дохнул, да и каюк, — красная вода носом пошла. Тут, ко- нечно, народ бежит, а старичок зашел за на- род — да потуда его и видели. Как в воду ка- нул. Мерин завалился, лежит, а баран сидит в телеге и на Бурлыгу лупится...

— Ну, а старик-то, — рассеянно перебил Бу- равчик, — он-то куда ж мог пропасть?

Александр подумал.

— А шат его знает, — сказал он. — Значит, слово такое знал. Значит, тоже прикоснулся он сатане... вот не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня? — с притворным удивлением крикнул Буравчик, и глаза его блеснули довольством. — Ай ты очумел? Я-то тут при чем?

— Будя толковать-то! — сказал Александр ласково и грустно. — Авось слышали про тебя. Ты, брат, тоже мал, да удал. Тоже хорош... Живучее всякой кошки али, скажем, козюли. Ты ее ралом, она тебя жалом... Ну, ты сам посуди: что ты предо мной? Я тебя могу двумя щептями задавить. А куда ж мне, дураку, справиться с тобой? Ты захочешь — кровинки во мне не оставишь, дотла всего высосешь. Я, к примеру, могу две полнивы за день взодрать... Да и взодрал-таки на своем веку, дай бог всякому. А чего добился? Один хрест на шее, только и всего. А ты вот тысячами ворочаешь... Нет, как можно! — сказал он с непонятым восхищением. — Я твоего ногтя не стою!

Буравчик молчал, загадочно и довольно улыбаясь. Что-то думая, он наклонил самовар и стал нацеживать последнюю чашку.

*16.VIII.1911*

# Комментарии

**В**первые рассказ напечатан в газете «Русское слово» 18 сентября 1911 г. Рассказ датирован Бунинным «16.VIII.1911». Но в заметках для автобиографии он написал: «Сила — под Одессой у Буковецкого на даче Климовича 16 авг. 1911, кончено в Москве 1 сентября 1911».

История, которую рассказывает Буравчик, основана на народной — солдатской сказке; ее по-своему передает бунинский герой

# Примечания

# 1

Замашка — холст из пыльниковой конопли.

[^^^]